

УДК 94(47).084.5:327+94(470):327

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ «ГЕРМАНСКОГО ОКТЯБРЯ»**П.В. МАКАРЕНКО***Воронежская
государственная
лесотехническая академия**e-mail: vglta@vglta.vrn.ru*

Изложены причины трений между СССР и Германией в 1924 году, которые усугублялись призывами Г. Зиновьева, Исполкома Коминтерна и генсека РКП (б) И. Сталина к немецким коммунистам и рабочим к свержению существующего строя. Показано, что несмотря на зигзаги советской внешней политики (в концессионных делах, военнотехническом сотрудничестве, московских торговых переговорах с немцами и т.п.), Германия не пошла на разрыв отношений с СССР и усматривала в нормализации с ним экономические выгоды.

Ключевые слова: недоверие к советской внешней политике, участие советского полпредства в организации вооруженного восстания, вмешательство советского правительства во внутригерманские дела, московские торговые переговоры, заинтересованность Германии в сотрудничестве с СССР.

Первые годы курса Рапалло не были столь «безоблачными», каковыми они представлялись отечественным историкам советского периода. Запрет на изучение ряда архивных фондов, находившихся десятилетиями под грифом «специального хранения», партийная цензура над исторической наукой и идеологическое «табу» не позволяли дать объективный анализ взаимоотношений обеих рапальских партнеров. Скрывалось намерение советского руководства ради призрачной идеи «мировой революции» и пролетарской революции в Германии пойти в 1923 году на разрыв курса Рапалло. Обходился стороной вопрос о различного рода инцидентах, совершавшихся по вине Исполкома Коминтерна и приводивших к снижению доверия германских правящих кругов и советскому руководству. Умалчивались ошибки и просчеты Политбюро ЦК РКП (б) и Наркомата иностранных дел в области внешней политики. Публикации российских историков последних лет, выполненные на основе ранее недоступных архивных источников, позволили начать изучение малоисследованных аспектов обозначенной темы¹. В рамках данной статьи представляется возможным рассмотрение довольно сложных и трудных для советского руководства моментов, сложившихся в отношениях с Германией после «немецкого Октября».

Дипломатическая переписка Наркомата иностранных дел (НКВД) СССР с Политбюро ЦК и советским полпредством в Берлине подтверждает усилившееся к началу 1924 года недоверие германского правительства к советской внешней политике. Подозрения немецкой стороны подкреплялось не только данными германского МВД о причастности сотрудников советского полпредства к организации вооруженного восстания осенью 1923 года, но и официальными заявлениями руководства КПГ о том, что немецкие коммунисты действовали по приказу Москвы и их намерения совместно с русским рабоче-крестьянским государством создать свободную рабочую Германию². Это заставляло МВД в целях государственной безопасности ужесточить контроль за действиями всех командированных Москвой в Берлин «специалистов»,

¹ См.: Бабиченко Л.Г. Политбюро ЦК РКП (б), Коминтерн и события в Германии в 1923 г. // Новая и новейшая история 1994. № 2. С. 125-157; Случ С.З. Советско-германские отношения в 1918-1941 годах. Мотивы и последствия внешнеполитических решений // Славяноведение. 1995. № 6. С. 14-31; № 3. С. 101-113; Черноперов В.Л. Дипломатическая деятельность В.Л. Коппа и подготовка большевиками германского октября в 1923 г. Иваново; Нижний Новгород, 2006.

² Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Документы и материалы. М., 1977. Ч. 1. С. 247-248.

среди которых находилось немало агентов советских служб и организаций – Разведупра РККА, ИНО ОГПУ и Коминтерна³.

После смерти В.И. Ленина германское правительство, опасаясь изменения внешнеполитического курса СССР, ревностно наблюдало за попытками последнего к сближению с Англией и Францией. Германский посол У. фон Брокдорф-Ранцау при встрече с Чичериным заявил, что «в Берлине очень обеспокоены мыслью о том, что в Москве считаются только с одной Англией и смотрят на Германию как на нечто не существующее», и указывал на рост недоверия в немецких промышленно-финансовых кругах к советской концессионной политике⁴. Скептически оценивалось немцами и состояние торговли с СССР. Германский экспорт в Россию составлял всего 1,5 % от всего экспорта Германии⁵. Это приводило немецкие деловые круги к выводу о нецелесообразности представления СССР долгосрочных кредитов, на которые он мог бы не только развивать свою социалистическую промышленность, но и укреплять свою политическую систему. Такие кредиты, по мнению немецких дипломатов, давали возможность лишь искусственно продлевать существование нежизнеспособного советского хозяйства, являвшегося убыточным и стоящим на пути финансового краха⁶. Не исключалась и возможность смены правящего большевистского руководства и аннулирования новым правительством всех кредитных обязательств перед иностранными инвесторами. П. Кернер – глава германской делегации по торговым переговорам – заявлял, что немецкая сторона «готова лишь частично удовлетворить основные предложения русских... и в настоящее время не может делать обязующих заявлений относительно предоставления им кредитов»⁷.

Следует признать, что и само советское правительство своими действиями способствовало росту недоверия и усилению разочарования у немцев. В результате компрометации советского военного атташе М. Петрова, уличенного германской полицией в закупках оружия для немецких коммунистов, в 1924 году была прекращена продажа немецкого оружия и военного оборудования СССР⁸. Г. Чичерин убеждал немецких коллег в том, что ни один сотрудников советского полпредства не участвовал в аферах с оружием в 1923 году; немцы ему не верили⁹. Немецкая сторона также высказывала свое недовольство пассивным отношением Москвы к сотрудничеству с фирмой Юнкерс: проявлением потребительского отношения к строительству авиазавода в Филях не выполнению советской стороной обязательств по долевному финансированию и по закупкам оборудования и материалов для завода.

Сложившиеся положение дел дало повод Чичерину говорить о наличии кризиса как в экономических, так и в политических делах с Германией, ставшего к весне 1924 года особенно чувствительным. Причину превращения «бывших друзей (по Рапалло – П.М.) в ярых врагов» он усматривал в осенних событиях 1923 года непрекращающихся заявлениях и призывах Г. Зиновьева к германской революции, ориентации СССР на сотрудничество с Англией, Францией и другими странами, в результате чего Германия стала «дистанцироваться» от своего рапальского партнера. Призывая вредность речей Зиновьева, которые «всюду трепяются» и стали излюбленной темой буржуазной прессы и «больше всего в Германии», нарком Г. Чичерин рекомендовал полпреду Н. Крестинскому сделать заявление для зарубежных газет, что

³ См.: Орлов В.Т. Двойной агент: Записки русского контрразведчика / Перев. с англ. М., 1998. С. 116.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 0165. Оп. 3. П. 113. Д. 73. Л. 071.

⁵ Akten der deutschen auswärtigen Politik 1918-1945: Aus dem Archiv des auswärtigen Amt. Serie A: 1918-1925. Bd. X: 7. April – 4. August 1942. Göttingen, 1992 S. 556.

⁶ Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Документы и материалы. М., 1977. Ч. 1. С. 251.

⁷ Там же. С. 243.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГА СПИ). Ф. 359. Оп. 1. Д. 7. Л. 165.

⁹ Akten der deutschen auswärtigen Politik 1918-1945 (далее: ADAP). Serie A. Bd. IX. Göttingen, 1992. S. 295.

«СССР не собирается производить вторжение в Германию и придерживается принципа невмешательства в её внутренние дела»¹⁰. Такие оправдания выглядели столь неубедительно, что Брондорф–Ранцау был вынужден заявить советскому полпреду в сугубо доверительной форме, что «если Коминтерн и РКП (д) делают те или другие недопустимые вещи, то об этом ненужно говорить вслух»¹¹.

Весной 1924 года Г. Зиновьев активизировал свои призывы немецким рабочим, содержащие откровенные намеки на возобновление революции в Германии в ближайшее время¹². В Берлине создалось впечатление, что Москва вновь пытается строить экстремистские планы в отношении к Германии. Демагогические заявления председателя Исполкома Коминтерна, не учитывающие настроение широких масс рабочей Германии, лишь способствовали, по мнению Ранцау, «охлаждению германских экономических кругов к сотрудничеству с СССР»¹³. 8 апреля на заседании Ленинградского совета Зиновьев уже вполне определенно заявлял о том, что «наши соседи (немецкие коммунисты – П.М.) снова будут на баррикадах, а не на парламентской арене»¹⁴. В духе зиновьевских призывов по подготовке немецких рабочих к предстоящей германской революции высказались на съезде германской компартии и представители московской делегации от ИККИ Д. Мануильский, О. Куусинен и С. Лозовский.

Статс-секретарь МИБ барон А. фон Мельцан в ответ на бесцеремонное вмешательство «товарищей из Москвы» потребовал от советского правительства повлиять на деятельность III Интернационала и прекратить призывы к насильственной борьбе против германского правительства. Он заявил в категорической форме, что «такие действия со стороны Коминтерна германские власти терпеть не могут и вынуждены принять строгие меры...»¹⁵. Полпреду Крестинский опровергал в Берлине нелепые заявления Зиновьева и старался избежать намечавшийся конфликт. Он советовал М. Литвинову: «Быть максимально осторожным; не давать никаких лишних поводов к ухудшению существующих отношений», подчеркивая, что «это ухудшение, прежде всего, отражается на нас...»¹⁶.

Назревавший конфликт по времени совпадал со второй годовщиной Рапалльского договора. Г. Чичерин направил в этой связи Ранцау восторженное оптимистическое заявление «о неизменности курса Рапалло»¹⁷. Германская сторона была более сдержана в оценке перспектив сотрудничества с СССР в рамках данного договора¹⁸. Вскоре после обмена поздравлениями, немецкий посол официально предупредил Чичерина: «Неслыханное вмешательство во внутренние дела Германии не может быть терпимо, и если оно будет продолжаться, то это приведет к ликвидации дружественных отношений с Россией»¹⁹.

Курс на большевизацию зарубежных компартий, принятый Пятым конгрессом Коминтерна усилил недоверие германского руководства к советскому правительству, санкционировавшим организационную перестройку германской компартии и компартий других стран по образу и подобию РКП (б), призывавшим к вооруженным переворотам и захвату зарубежными коммунистами власти. Правые националистические круги встретили коминтерновский курс настороженно, усматривая в нем попытку Москвы «большевизировать» Германию. Лозунги и призывы Коминтерна, публикуемые в советской и зарубежной прессе и транслируемые по радио всему миру подтверждали эти опасения. И. Сталин осудил крикливость и неуместность лозунгов

¹⁰ АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 3. П. 113. Д. 73. Л. 059.

¹¹ Там же. Ф. 04. Оп. 13. П. 82. Д. 50021. Л. 43.

¹² РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 55. Л. 25–26.

¹³ АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 3. П. 113. Д. 73. Л. 072.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 58. Л. 26; Правда. 1924. 15 апреля.

¹⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 82. Д. 50020. Л. 97–98.

¹⁶ Там же. Ф. 065. Оп. 3. П. 113. Д. 74. Л. 054.

¹⁷ Советско-германские отношения 1922–1925 гг. Документы и материалы. М., 1977. Ч. 1. С. 257.

¹⁸ Там же. С. 258.

¹⁹ ADAP. Serie A. Bd.X. Gottingen, 1992. S. 136–137.

коминтерна о классовой борьбе, будоражащих Германию и всю Европу, и рекомендовал «представить инициативу действий самим компартиям»²⁰.

Между обеими сторонами существовал ряд разногласий по политическим вопросам. Немецкие дипломаты были недовольны позицией советского правительства в отношении принятия Германией плана Дауэса и ее намерения о вступлении в Лигу наций. Ориентация на Запад отнюдь не означала, что Веймарская Германия шла на отказ от курса Рапалло. Как буржуазная республика она вынуждена была искать пути политического сближения с Западом, экономического – с СССР. Что касается курса Рапалло, то здесь ориентация Германии была однозначной – развивать отношения с СССР на выгодной для себя основе. Министериал – директор В. Вальрот опасался, что переговоры Москвы с Парижем и Лондоном приведут к тому, что Германия останется с пустыми руками, и заявлял о нежелании стать «могильщиком» Рапалльского договора в то время, когда плоды его для Германии начали только созревать²¹.

Прогноз Г. Штреземан о том, что советско-германские торгово-экономические переговоры в Москве будут нелегкими, подтвердился в первые недели переговоров. Немецкая делегация столкнулась с упорным сопротивлением советской стороны относительно своих требований: безоговорочного сохранения за немецкими фирмами их прав на эксплуатацию марганцевых концессий в Грузии и ослабления монополии внешней торговли в СССР²². Не добившись уступок, немецкая делегация нашла повод для объявления перерыва в переговорах, ожидая, что осложнения в советско-британских отношениях в связи с обнаружением Скотланд-Ярдом письма Г. Зиновьева к британской компартии и возможность дипломатического разрыва Британии с СССР, приведут к большей уступчивости советской стороны. Британское правительство не сомневалось в подлинности этого письма и поставило условием нормализации отношений с Советским Союзом прекращение Коминтерном революционной пропаганды²³. Германское правительство, в свою очередь, также потребовало от Наркоминдела принятия новых обязательств и гарантий по воздержанию командированных в Германию советских сотрудников от пропагандистской деятельности. В ноте НКВД посольству Германии в СССР такая гарантия подтверждалась²⁴.

Вскоре советско-германские отношения были омрачены новыми выступлениями Г. Зиновьева и публикацией его письма к немецким коммунистам по поводу годовщины гамбургского восстания²⁵. На встрече с Г. Штреземаном 28 октября Н. Крестинскому было заявлено о недопустимости дальнейших антигерманских выступлений Г. Зиновьева, поскольку они создают трудности во взаимопонимании между Германией и СССР. Немецкий министр не желал передавать случившиеся огласке, так как новая компания по «делу Зиновьева» могла отразиться на московских торговых переговорах. И. Сталин в записке Г. Зиновьеву подчеркивал недопустимость подобных заявлений. Для замечания другим, И. Сталин не избежал порицания германских властей за подписание им 16 ноября 1924 года обращение ЦК РКП (б) к руководству немецких коммунистов, в котором говорилось о «наступающей революции в Германии и каторжном характере выборов в германский рейхстаг»²⁶.

Реакция германского МИД на это обращение была незамедлительной. В письме Н. Крестинскому Г. Штреземан напоминал, что советское правительство еще не дало удовлетворения по поводу выступления Зиновьева и требовал в возможно краткий срок разъяснения по факту обращения Сталина к ЦК КПГ, так как, будучи членом правительства Сталин являлся более ответственным за свои выступления,

²⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 138. Л. 3.

²¹ ADAP. Serie A. Bd. IX. Gottingen, 1991. S. 184-185.

²² Советско-германские отношения 1922-1925 гг. Документы и материалы. М., 1977. Ч. 1. С. 365-366.

²³ Документы внешней политики СССР. М., 1963. Т. VII. С. 560.

²⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 83. Д. 50026. Л. 54.

²⁵ Там же. Ф. 0165. Оп. 5. П. 123. Д. 144. Л. 077-075.

²⁶ Там же. Л. 078.

чем Зиновьев²⁷. М. Литвинов рекомендовал Н. Крестинскому заявить Г. Штреземану, что советское правительство примет необходимые меры для того, чтобы воззвания Коминтерна не фигурировала подписи Зиновьева, Сталина и других лиц, причастных к правительству²⁸.

Подобные заявления уже критически воспринимались немецкими дипломатами. Брокдорф-Ранцау высказывал Чичерину свою неудовлетворенность советской внешней политики когда «одна и та же правящая группа, с одной стороны, старается как-будто поддерживать дружественные отношения с другим правительством, а с другой - выступает в печати и речах против этого правительства». Он считал, что постоянное вмешательство советской стороны в германские внутренние дела создает для Наркоминдела СССР «практически невозможным вообще вести внешнюю политику», и заявлял наркому: «...волей-неволей Вам придется отказаться от вашей внешней политики, ибо она сама сойдет на нет, ибо эта двойственность по отношению ко всем правительствам не может долго продолжаться»²⁹.

Поднятый немцами вопрос о И. Сталине не мог быть разрешен Наркоминделом самостоятельно без согласования с Политбюро ЦК. Поскольку М. Литвинову не удалось своевременно отправить в Берлин соответствующую почту, утвержденную Политбюро ЦК, то Н.Крестинскому пришлось самостоятельно давать письменный ответ Г. Штреземану в привычном шаблонном стиле. Вопрос о Сталине полпред умышленно обошел молчанием³⁰. Штреземан 31 декабря обратил внимание Крестинского на отсутствие в его ответе объяснений относительно Сталина. Полемизируя с Крестинским по ряду сомнительных для германского МИД утверждений, Г. Штреземан давал понять, что «если бы господин Сталин сам, без каких бы то ни было попыток давления на него перестал подписывать воззвания Коминтерна, то у немецких дипломатов не было бы оснований для продолжения подобной переписки с советским правительством»³¹.

Несмотря на зигзаги советской внешней политики, Н. Крестинский считал маловероятным, чтобы Германия могла пойти на политический или экономический разрыв с СССР³². Эта уверенность основывалась на безвыходности положения Германии, которая к середине 20-х годов оставалась политическим изгоем в Европе. Попытка сблизиться со странами-победительницами натолкнулись на нежелание Лиги нации согласиться с предложением немецкого правительства об освобождения Германии от участия в военных и экономических санкциях. Недоверие немецких правящих верхов к Лиге возросло после ознакомления с содержанием секретной ноты французского правительства союзным державам, перехваченной советской разведкой и переданной рейхсверу. В ноте предлагалось потребовать от Германии перед вступлением её в Лигу коренной реорганизации рейхсвера: ликвидации его штаба, отстранения от руководства генерала Г. фон Секта, что означало децентрализацию германских вооруженных сил³³.

Германия находилась также в экономической изоляции от западных рынков. Американский рынок был для неё закрыт высокими таможенными пошлинами на германские товары. Французский – невыгоден из-за низкого курса франка, а английский – не допускал к себе дешевые немецкие товары. Советские дипломаты и политики считали, что без советского рынка немцам невозможно обойтись, и это обстоятельство заставляло их серьезно и осторожно относиться к вопросу о разрыве с СССР³⁴. Встречи с Г. Штрэйземаном в конце декабря 1924 года оставили у Крестин-

²⁷ АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 3. П. 113. Д. 74. Л. 0134.

²⁸ Там же. Л. 0158.

²⁹ Там же. Л. 0162-0163.

³⁰ Там же. Ф. 0165. Оп. 5. П. 123. Д. 123. Л. 088.

³¹ Там же. Л. 083-085.

³² Там же. Ф. 0165. Оп. 3. П. 117. Д. 100. Л. 031.

³³ Там же. Ф. 0165. Оп. 3. П. 113. Д. 74. Л. 0122.

³⁴ Там же. Ф. 04. Оп. 13. П. 82. Д. 50021. Л. 117-118.

ского благоприятное впечатление, в смысле их откровения у доброжелательности³⁵. Он убеждал М. Литвинова в том, что «германские правящие классы не верят в возможность пролетарской революции в Германии, они порвали бы с нами, как с друзьями Коминтерна и КПГ, если бы состоялось восстание немецкого пролетариата»³⁶. Осуществление такого представлялось практически невозможным, и поэтому Крестьянский считал маловероятно резкое изменение германской политики по отношению к СССР.

Бесспорно, германский МИД не удовлетворяли объяснения Наркоминдела будто Коминтерн и РКП (б) – это различные политические иерархии и за действия коминтерновского руководства советское правительство не несет ответственность. Осознав, что большего от советского руководства добиться невозможно, правительство Эберта-Штреземана ограничилось нотами протеста и постепенно свело свои претензии к вмешательству Г. Зиновьева и И. Сталина во внутренние дела Германии на нет. Оно не желало обострения отношения с СССР, усматривая в сотрудничестве с ним большие экономические выгоды, и ожидало от советской стороны уступок в торговых переговорах, которые предлагалось продолжить в середине января 1925 года.

SOVIET-GERMAN RELATIONS AFTER "GERMAN OCTOBER"

P.V. MAKARENKO

*Voronezh Forest Technical
Academy*

e-mail: vglta@vglta.vrn.ru

The causes of diplomatic difficulties between the USSR and Germany in 1924 are analyzed in the paper. The declarations of G. Zinoviev and the Executive Committee of Communist International also spoiled the relations between two states. The author touched upon the problems concerning the position of German government which took decision to save the relations with the Soviet Russia in spite of instability of the Soviet foreign policy. Germany planned to reach economic achievements in further development of the relations with the USSR.

Key words: absence of trust of the German government, participation of Soviet diplomats in organization of the armed revolt, interfering of the Soviet government into the internal affairs of Germany, point-of-sale negotiations, German interest in the maintenance of the relations between Germany and the USSR.

³⁵ АВП РФ. Ф. 0165. Оп. 3. П. 117. Д. 100. Л. 022.

³⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 13. П. 82. Д. 50021. Л. 118.